

Архаичные формы глагола у писателей XIX века

© Е.Е. СЕРЕГИНА

Автор статьи анализирует употребление церковнославянских форм прошедшего времени в литературной практике XIX века.

Ключевые слова: церковнославянский язык, славянизмы, аорист, имперфект, перфект, «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа», «Опыты переводов апостольских посланий».

The article highlights the usage of church-slavonic past tense forms in XIX c. literary practice and also surveys the specifics of interpretation of slavonic preterites into the russian language of the same period.

Key words: the church-slavonic language, slavisms, aorist, imperfect, perfect, «The New Testament of our Lord and Saviour Jesus Christ», «Experience of the Epistles translation».

В церковнославянском языке сохраняется разветвленная система прошедших времен, которая в ранний исторический период была свойственна и древнерусскому языку. Перфект и плюсквамперфект являются аналитическими формами времени, аорист и имперфект представляют собой простые прошедшие времена. Каждое из временных образований характеризуется собственным грамматическим значением и определенными формальными показателями. Так, от глагола *нести* четыре формы прошедшего времени в церковнославянском языке в 1 л.ед.ч. будут иметь следующий вид: аорист – *несохъ*; имперфект – *несяхъ*; перфект – *несль (-а, -о) есмь*; плюсквамперфект – *несль (-а, -о) бехъ* (или *бяхъ*).

В литературных текстах XIX века востребованными оказались формы аориста, имперфекта и реже перфекта. На фоне адаптированных лексических и фонетических славянизмов (например *брег, град, перст, десница*) церковно-книжные формы претеритов (*претерит* – форма прошедшего времени в тех языках, которые не имеют различий между имперфектом и перфектом) воспринимались как особо выразительные грамматические и стилистические единицы. В романе Н.С. Лескова «Соборяне» одна из героинь на цитату из ветхозаветного текста «Соломон бе мудрейший из всех на земли сущих» отвечает так: «Нечего, нечего, – говорит, – вам мне ткать это ваше: *бе*, да *рече*, да *пече*; это ваше

бе, – говорит, – ничего не значит, потому что оно еще тогда было писано, когда отец Савелий еще не родился».

То, что к форме аориста 3 л. ед.ч. *бе* (был) приводится формально совпадающий по лицу и числу ряд других аористов (*рече* – сказал, *пече* – испек), свидетельствует о том, что архаичные формы прошедшего времени были узнаваемы и по аналогии успешно воспроизводимы от других глаголов. Более того, глагол *ткать*, так удачно подмеченный персонажем романа в отношении употребления аориста, действительно выявляет его особую роль – он, наряду с имперфектом, является основной повествовательной формой прошедшего времени, т.е. с помощью аористных форм развивается («ткется») повествование в текстах, написанных на церковнославянском языке.

В XIX веке интегрирование славянских форм прошедшего времени в литературные тексты осуществлялось различными способами. В большинстве случаев они содержались в цитате, ее перифразе или во фразеологизмах библейского происхождения: «Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь...на реках Вавилонских *седохом* и *плакохом*...» (А.П. Чехов – Ал. П. Чехову) – формы аористов 1 л.мн. ч., ср.: «На реках Вавилонских, тамо *седохом* и *плакохом*» (Пс. 136,1); «Все послание было хорошо, но это место было прекрасно. Что ж? На третий день *мимо идох*, и се *не бе*» (Д.В. Дашков – Д.Н. Блудову) – формы аористов 1 л. ед.ч. и 3 л. ед.ч., например: «...и *мимо идох*, и се, *не бе*» (Пс. 36, 36). «Карамзин *роди* П. Сумарокова, Сумароков же *роди* Жуковского. Жуковский *роди* Каченовского, сей же *роди* Измайлова... (Д.В. Дашков – П.А. Вяземскому) – формы аористов 3 л.ед.ч.: «Авраам *роди* Исаака. Исаак же *роди* Иакова. Иаков же *роди* Иуду и братию его» (Мф. 1, 16). «Мал *бех* в братии моей, и если мой камышек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю!» (А.С. Пушкин – А.А. Орлову) – форма аориста 1 л. ед.ч.: «Мал *бех* в братии моей и юнший в дому отца моего» (Пс. 151, 1). «И все это они делали “ничтоже *сумняшеся*”, и дешево и скверно» (Лесков. Котин доилец и Платонида) – форма имперфекта 3 л. ед.ч. в составе фразеологизма.

Впрочем, цитата из церковнославянского текста не являлась гарантом сохранения архаичного прошедшего времени, поэтому в литературной практике писателей встречаются замены «старых» форм на современные или архаичная и современная формы соседствуют в пределах одного предложения. Широко этот прием использует в своих письмах А.П. Чехов: «Не первый уж раз слышу я такое мнение об “Осколках” и всякий раз “*взыгрся* во чреве моем младенец”... (Н.А. Лейкину); «До меня давно уже дошла весть о Вашей семейной радости... не поздравил же Вас до сих пор, потому что мне было не до того, у меня у самого *взыгались* во чреве младенцы – от сильнейшей боли» (О.Г. и

Мих.П. – Чеховым). Фраза *взыгрися младенец...во чреве моем* восходит к евангельскому тексту (Лк. 1, 44).

У Чехова в обоих вариантах данное выражение по смыслу оторвалось от исходного (церковнославянского) контекста. В грамматическом отношении в первом примере глагол *взыгрися* соответствует первоисточнику и представлен формой аориста 3 л. ед.ч, во втором случае используется современная форма прошедшего времени *взыгрались* во множественном числе.

В другом письме Чехова можно отметить не только грамматические, но и текстологические вариации, состоящие из соединения различных церковнославянских текстов и форм прошедшего времени: «Правда, в лености житие мое *иждих*, без ума *смеяхся*, *объедохся*, *опихся*, *блудил*, но ведь это все личное» (И.Л. Леонтьеву-Щеглову). Первая часть фразы – в *лености житие мое иждих* восходит к покаянной стихире, которая поется на Повечерии во время Великого поста. В следующем фрагменте – *без ума смеяхся, объедохся, опихся* с незначительными перестановками приводится цитата из вечерней молитвы, например: «...или *объедохся*, или *опихся*, или без ума *смеяхся*» (Молитва 3-я, ко Пресвятому Духу). Все эти формы аориста *иждих*, *смеяхся*, *объедохся*, *опихся* (1 л. ед. ч.) в чеховском письме сохраняются в соответствии с церковнославянским первоисточником. Последний глагол – *блудил* дается в современной форме, его появление на фоне предшествующих аористов свидетельствует о финале цитатной части.

Можно отметить примеры нарушения грамматического согласования архаичных форм: «Чему *посмеяхомся*, тому же и *послужиша*, – несколько раз повторил Кукушкин, имевший, кстати сказать, неприятную претензию щеголять церковнославянскими текстами» (Чехов. Рассказ неизвестного человека). Аористы употребляются во множественном числе, но не совпадают по формам лица: *посмеяхомся* (мы посмеялись) – 1 л., *послужиша* (они послужили) – 3 л. Авторские слова поясняют причину подобного нарушения – языковое позерство персонажа, причем в реальности церковнославянская фраза в таком виде не существует. Считается, что это чеховский перифраз русской пословицы, представленной в сборнике В.И. Даля, «чему посмеешься, тому поработаешь». Безусловная архаичность славянских притеритов сказывалась и в том, что в тексте они часто представляли собой застывшие, неизменяемые формы, которые не участвовали в смысловом и формальном согласовании с другими членами предложения: «И все это они делали “ничтоже сумняшесь”, и дешево и скверно» – форма имперфекта (сумняшесь) употребляется в ед. числе при главных членах предложения во множественном числе, т.е. в этом случае заимствованная из церковных текстов фраза используется как наречное выражение.

Значительно реже встречаются «свободные» (не в составе фразеологизма или цитаты) формы прошедших времен, из которых наиболее употребительным является аорист, реже встречается перфект. У И.С. Тургенева в рассказе «Льгов» есть следующие строки: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; *родился* 1737, *умре* 1799 года, всего жития его было 62 года». Распределение современной и архаичной форм – *родился* и *умре* (аорист 3 л. ед.ч.) может быть обусловлено стремлением придать основательность сообщению о факте смерти, заключив его в архаичную «одежду». Языковая пестрота записи осложняется еще и экстралингвистическим фактором: именно «французский подданный», по всей вероятности, при жизни не обладавший способностью оценить переключение языкового регистра – с русского на славянский, удостоился возвышенной записи. Надо отметить, что аорист *умре* (или *помре*) используется в самых разных литературных источниках. Так, А.С. Пушкин пишет в письме к Наталье Николаевне Пушкиной: «Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, *умре*»; или у М.Е. Салтыкова-Щедрина (Медведь на воеводстве): «Рассердился Топтыгин и потребовал, чтобы к нему привели Магницкого, дабы его растерзать... но получил в ответ, что Магницкий, волею божией, *помре*». Можно полагать, что «старые» формы прошедшего времени, как и другие славянизмы, часто встречающиеся в церковно-книжных текстах и потому бывшие на слуху, могли использоваться и в речевом обиходе.

Архаичные временные образования можно обнаружить в литературном наследии «Арзамаса»: «А из недвижных уст, казалось, исходил грозящий голос: “Чадо, возвратися вспять в Беседу вторую, из нее же *исшел еси*”» – форма перфекта 2 л. ед.ч. Или: «*Усне* ревностный товарищ Политковских и Галинковских! Делатель прилежный беседного винограда дурных стихов и тяжелой прозы, *почил есть*». Употребление форм прошедшего времени *усне* (аорист 3 л.ед.ч.) и *почил есть* (перфект 3 л. ед.ч.) перемещают высокие слова о смерти в ироничный контекст. Как известно, члены литературного объединения обыгрывали обряд французской академии, когда в память об умершем академике произносилось надгробное слово и сразу же вслед за этим избирался новый.

Оформление прошедшего времени по нормам церковнославянского языка – если речь идет о свободно употребляемых формах, обычно получали глаголы книжного происхождения. Например, первое слово в составе перфекта *благодетел еси* является составным образованием и относится к книжной лексике; глаголы *уснути*, *почити* использовались в древнейших церковнославянских текстах в значении «умереть»; а в первом компоненте формы перфекта *исшел еси* содержится церковнославянская по происхождению приставка *ис-*, соответствующая русской *вы-*. Таким образом, для нейтрального (не связанного с церковной лек-

сикой), а тем более разговорного слова, возможность получить оформление в соответствии с церковнославянскими нормами сводилась к минимуму.

Как было отмечено, каждое из прошедших времен в церковнославянском языке характеризуется собственным грамматическим значением: аорист обозначает действие, завершённое в прошлом, имперфект – длительное прошедшее действие, перфект – действие в прошлом, результат которого актуален в настоящем. Трудно сказать, осознавались ли писателями эти семантические различия между архаичными претеритами, когда они переносились в русский текст, вероятнее всего, присутствовал расчёт на внешний эффект, т.к. на фоне славянизмов поэтических текстов аорист или перфект, безусловно, представляли мощную архаичную волну. В то же время практика переводов церковнославянских текстов на русский язык показывает, что авторы этих переложений не безразлично относились к передаче грамматического значения славянских претеритов, пытаясь соотносить их семантику с адекватными грамматическими показателями в системе русского языка. Особенно это касается простых форм прошедшего времени – аориста и имперфекта. За примерами, иллюстрирующими такие замены, можно обратиться к практике переводов текстов Священного Писания – это «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа» в переложении В.А. Жуковского и «Опыты переводов апостольских посланий» А.С. Хомякова.

Замены в системе церковнославянских прошедших времен показывают, что на месте форм аориста, как правило, находятся глаголы прошедшего времени совершенного вида: *прииде* (аорист 3 л.ед.ч.) – *пришел* (Жуковский), *пришел* (Хомяков); *приясте* (аорист 2 л.мн.ч.) – *прияли* (Жуковский), *приняли* (Хомяков). Таким образом, значение форм аориста – завершённое действие в прошлом в русском переводе поддерживается грамматической категорией совершенного вида, тем более и в церковнославянском языке формы аориста обычно (но не обязательно!) образуются от глагольных основ совершенного вида. Встречаются и более сложные случаи, когда необходимо было заменить аористы бесприставочных глаголов типа *веровати*, *писати*, *видети*, которые в русском языке относятся к несовершенному виду и не могут передавать значение ограниченности действия, заложенное в семантике аориста. В этих случаях переводческое решение Жуковского и Хомякова обычно совпадало. Так, аористы *писахъ* (1 л. ед.ч.), *верова* (3 л. ед.ч.), *веровахом* (1 л. мн.ч.), в русских переводах передаются как *написал* (Жуковский, Хомяков), *уверовал* (Жуковский) и *поверил* (Хомяков), *уверовали* (Жуковский, Хомяков), т.е. все они заменяются глаголами совершенного вида. Этот выбор был продиктован общим смыслом фразы, например, в Послании ап. Павла к галатам (2, 16): «...и мы во Христа Иисуса *веровали*, да оправдимся от веры Христовы». В переводе Жуковского: «и мы

уверовали во Христа Иисуса, дабы оправдаться верою Христовою...»; у Хомякова: «...мы уверовали во Иисуса Христа, да оправдимся верою во Христа...».

Формы имперфекта чаще передаются глаголами прошедшего времени несовершенного вида и у Жуковского, и у Хомякова, что соответствует специфике их образования в церковнославянском языке, но не является обязательным условием. Итак, форма имперфекта *разрушаше* (3 л. ед.ч.) у Жуковского дается с лексической заменой – *истребить старался*, у Хомякова – *разрушал*; *гоняше* (3 л. ед. ч.) – *знал* (Жуковский, Хомяков); имперфект *течаше* (2 л. мн. ч.) у авторов переложений сопровождается лексическими заменами, при которых сохраняется несовершенный вид глагола – *шли прямо* (Жуковский), *хорошо бежали* (Хомяков). Несмотря на определенную логику перевода, грамматическая переработка церковнославянского текста осуществлялась по более сложной схеме: аористы могли заменяться глаголами прошедшего времени несовершенного вида, а имперфекты – совершенного, также на месте аористов встречаются причастия, деепричастия, не всегда у авторов переводов сохраняется временной план высказывания, например у Хомякова: *отлучашеся* (имп. 3 л. ед.ч.) заменяется на *отделился* (глагол сов.в.), *упразднитсяя* (аор. 2 л.мн.ч.) – *отчуждаетсяя* (глагол наст.вр.), *ни взыдох* (аор. 1 л. ед.ч.) – *не ходил* (глагол несов.в.). Или пример из перевода В.А. Жуковского с заменой форм аориста причастиями: «...Иже *премениша* истину Божию во лжу, и *почтоша* и *послужиша* твари паче творца» (Рим. 1, 25) – «... Ихъ, *обративших* истину Божию в ложь, *поклонявшихя* и *послужившихъ* тварямъ паче Творца». Очевидно, что авторы переводов владели грамматикой церковнославянского языка и свободно ориентировались в церковно-книжной литературе, без этого невозможно было бы приступить к переводу новозаветных текстов. Однако система славянских форм прошедшего времени не воспринималась в качестве грамматических оков, и переводчики в большей степени были озабочены поиском адекватных лексических замен, стремясь к точной передаче смысла и ясности изложения.

Литература

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1977. Т. 8.
2. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод В.А. Жуковского. Берлин, 1895.
3. Хомяков А.С. Сочинения богословские. СПб., 1995.

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва